

От одной лишь дерзкой фразы всё вокруг погрузилось в ещё большую тишину. Стрекот цикад за окном, движение воздуха — всё замерло.

— Узнал то, что хотел? — Цзян Юй смотрел прямо в ясные глаза юноши, и его низкий, бархатный голос источал потусторонний холод, пронизывающий до самых костей. Эта была та леденящая аура, что исходила из самой его сути, из крови, и которую не могли скрыть ни тон, ни выражение лица.

Чэнь Лин плотно сжал губы, решив молчать до последнего. Он попытался вырваться, но, поняв тщетность своих попыток, холодно спросил:

— Что тебе, в конце концов, нужно?

— Разве ты ещё не понял? — густые ресницы опустились, и кончики пальцев мужчины приподняли подбородок юноши. — Наши судьбы связаны. Ты рождён, чтобы быть моим. Моей женой.

Сердце Чэнь Лина пропустило удар. Слова «рождён, чтобы быть» несли в себе безграничное, деспотичное высокомерие, но из уст Цзян Юя они почему-то звучали как непреложная истина.

Он отвёл взгляд, устремив его на тёмные кончики волос мужчины.

— Так вот почему ты преследуешь меня?

— Я не преследую, — бесстрастно ответил Цзян Юй, его лицо оставалось холодным и отстранённым. — Лишь изредка присматриваю.

Чэнь Лин вспомнил о ране на лице, исчезнувшей без следа, и о внезапных, редких наставлениях мужчины. Такое объяснение имело смысл.

Поразмыслив, он подавил страх, поднимавшийся из глубины души, и серьёзно произнёс:

— Господин Цзян, совместимость судеб ещё ничего не значит. Чтобы двое могли быть вместе, у них сперва должна возникнуть привязанность.

Ему казалось, что все действия Цзян Юя были продиктованы скорее чувством ответственности, связанным с титулом «жены», нежели симпатией. Иначе тот бы неотступно следовал за ним, а не смотрел с таким безразличием.

Ответственность может сохранить брак, но она не заставит сердце трепетать. А это было не то, чего хотел Чэнь Лин.

Он никому не рассказывал, но ему ужасно нравилось, когда в отношениях царила нежность, когда партнёр принимал его желание иногда побыть слабым.

Из-за этого маленького секрета у него до восемнадцати лет, ещё до того, как он начал сталкиваться с нечистью, не было ни одного романа. Большинству девушек нравятся сильные, решительные и зрелые мужчины, а не те, кто любит ластиться.

Цзян Юй, казалось, не принял его слов. Он поднял руку, и с его запястья сорвалась алая нить, другой конец которой обвил правую лодыжку Чэнь Лина.

Юноша ошеломлённо уставился на алую полоску на своей ноге. В голове пронеслись два слова: «Предначертано судьбой».

— Ещё до всяких чувств мы уже были созданы друг для друга.

— ... — щёки Чэнь Лина вспыхнули. Как искусно!

Он топнул ногой, но тонкая алая нить сидела крепко, не сдвигаясь ни на миллиметр.

Цзян Юй шевельнул пальцами, и нить исчезла. Он присел на корточки, и его прохладные пальцы коснулись тёплой кожи юноши.

— Если тебе не нравится здесь, я могу завязать её в другом месте.

От прикосновения грубоватых подушечек пальцев по коже Чэнь Лина пробежала странная дрожь. Он открыл рот, но не смог издать ни звука.

Прочистив горло, он отступил на полшага, вырываясь из зоны досягаемости мужчины.

— Не нужно.

Если нить будет на руке, она постоянно будет напоминать о себе, что ещё хуже. А на шее... он же не собака!

Юноша поджал губы и, собрав всю свою волю, выдал из себя просьбу:

— Можно эту нить разорвать?

Лицо Цзян Юя не изменилось, но молчание его стало ещё более гнетущим, а в светлых глазах на миг вспыхнул и погас яростный красный огонёк, такой быстрый, что его почти невозможно было заметить.

— Нельзя.

Ледяной ответ обрушился на Чэнь Лина, словно материализовавшийся холод.

По его спине пробежал озноб, и в душе зародился страх, но он не мог смириться с мыслью о внезапно появившемся муже. Нет, жене.

У него не было предубеждений против однополых отношений, и он не возражал против того, чтобы нравиться мужчине. Даже если этот мужчина — призрак, у него есть право любить кого угодно. Но вот так, без всякого вступления, сразу «вступить в должность» — это было слишком внезапно и пугающе.

Словно удар молнии среди ясного неба.

Чэнь Лин нахмурился так, что на лбу образовалась складка. Он внимательно наблюдал за выражением лица Цзян Юя и осторожно начал:

— Вообще-то, если бы нам действительно было суждено быть вместе, мы должны были бы встретиться случайно. Но ты появился раньше. Это как-то... не по правилам.

Но если подумать о возрасте предка и о времени, в котором он жил, такое поведение казалось вполне объяснимым.

Более двух тысяч лет назад браки заключались по воле родителей и слову свахи. Даже если дети были ещё несформировавшимися головастиками, одного слова родителей было достаточно, чтобы обручить их. Повзрослев, они должны были пожениться.

Так что для предка, заранее знавшего о предначертанной ему судьбе, это было равносильно тому, что он уже обручён и у него есть... жених!

В конце концов, виноваты во всём были пережитки прошлого, воля небес и пропасть в мировоззрении между ним и Цзян Юем.

Чэнь Лин внезапно всё понял. Неудивительно, что мужчина так отреагировал, когда он спросил, можно ли разорвать нить.

Для Цзян Юя это было всё равно что получить отказ прямо у алтаря.

Заметив, что гнетущая аура вокруг мужчины немного рассеялась и буря, казалось, миновала, Чэнь Лин вновь обрёл свою обычную прямооту.

— В день переноса могилы ты бросил мне на голову свой погребальный халат, потому что считал меня своей... — слово «женой» застряло в горле, но Чэнь Лин, не моргнув глазом, нашёл замену, — своей второй половиной. Ведь по обычаю, именно овдовевший супруг должен нести одеяния покойного, так?

Цзян Юй небрежно хмыкнул, что было равносильно признанию.

Чэнь Лин уставился на него, не веря своим глазам. Ему показалось, или на этом холодном, как лёд, лице промелькнуло смущение?

Он кашлянул и задал ещё более прямой вопрос:

— А появился ты, потому что засиделся в одиночестве и не хотел ждать случайной встречи, решив познакомиться со мной заранее?

Внезапно воздух в комнате стал тяжёлым, дышать стало трудно. Температура резко упала, а окно, без всякого ветра, закрипело и начало раскачиваться.

«Чёрт, не то сказал».

Зачем было спрашивать так прямо, ставя предка в неловкое положение?

Лицо Цзян Юя стало ещё более непроницаемым, но на его бледной шее проступило лёгкое покраснение.

Чэнь Лин заметил эту деталь и, изумлённо приоткрыв рот, уставился на него.

— Ты...

Не успел он договорить, как пальцы мужчины сомкнулись на его губах, заставляя замолчать.

Силуэт Цзян Юя начал таять и через мгновение растворился в воздухе.

«...»

Неужели он и вправду сбежал, смутившись от одного его слова? Такой тонкокожий, наверняка ни с кем раньше не встречался.

Чэнь Лин нашёл это невероятным, забавным и в то же время вызывающим какое-то странное сочувствие. Оказывается, предок был не таким уж и страшным.

Он тоже может томиться от многовекового одиночества, с нетерпением ожидая встречи со своей судьбой, и смущаться, как юноша, когда его сокровенные мысли раскрывают.

«Почему-то это кажется... милым».

Чэнь Лин обеими руками потёр лицо, отгоняя непрошенные мысли, и, подняв голову, встретился с любопытным взглядом У Вэйвэй.

— Чэнь-гэ, твой друг уже ушёл? Я думал, он останется на ужин, даже риса побольше поставил, — У Вэйвэй указал на мелькнувшую за калиткой тень. — Кто он вообще? Новый клиент? Судя по одежде, богатый.

— Старый клиент, — Чэнь Лин искоса взглянул на него. — Что ты успел подслушать, стоя у окна?

— Ничего я не слышал, клянусь! — У Вэйвэй воздел руки к небу. — Я уважаю чужую личную жизнь. Как только ты закрыл шторы, я сразу ушёл. Кстати, я позвонил владельцу студии резьбы, его зовут Дин Цзюньюань, ты же знаешь. Он сказал, если нам удобно, можем приехать завтра утром.

Чэнь Лин согласился. Заметив, что дверь в комнату наставника открылась — тот закончил медитацию, — он поспешил внутрь, таинственно прикрыв за собой дверь и окна.

Чжао Сюньчан вытер пот со лба и сделал глоток прохладной воды. Не дожидаясь вопроса ученика, он заговорил первым:

— Кто был в твоей комнате?

Даже сквозь толстые стены он чувствовал исходящую от гостя гнетущую ауру и давление.

Это был точно не обычный человек.

Чэнь Лин глубоко вздохнул и сел напротив наставника.

— Учитель, — вместо ответа спросил он, — можете погадать мне на брак?

Чжао Сюньчан удивлённо уставился на своего ученика. Что-то здесь было не так, очень не так.

Его ученик был трудолюбивым, добрым, мстительным, любил вкусно поесть — в общем, ничем не отличался от обычных людей. Но если присмотреться, разница всё же была.

Он никогда не говорил о любви, его сердце в этом плане было подобно стоячей воде.

Раньше, когда наставник в шутку предлагал погадать ему на суженую, он всегда яростно отказывался, говоря, что всё должно идти своим чередом и он не хочет знать наперёд.

Чжао Сюньчан посерьёзней и, подойдя ближе, всмотрелся в лицо ученика.

— Почему ты вдруг этим заинтересовался?

Чэнь Лин молча написал на бумаге дату и время своего рождения, а затем протянул ему левую ладонь. Чтобы уж наверняка, он даже наклонил лицо поближе к наставнику.

— Ты хочешь, чтобы я посмотрел по ба-цзы, по руке и по лицу? — безмолвно спросил Чжао Сюньчан.

— Да, учитель. Спасибо вам, — честно кивнул Чэнь Лин.

— Может, ещё и на костях бросить? — заботясь о будущем счастье своего драгоценного ученика, предложил Чжао Сюньчан.

— Давайте, — согласился Чэнь Лин.

Дату и время рождения ученика Чжао Сюньчан знал наизусть, но никогда подробно не анализировал. Он взял шариковую ручку и, что-то бормоча себе под нос, принялся чертить и писать.

Чэнь Лин вдруг занервничал. Он сжал кулаки на маленьком столике и, не мигая, следил за тем, как белый лист постепенно заполняется записями.

Спокойное лицо Чжао Сюньчана стало серьёзным.

— Я не вижу твой «дворец брака». Не могу сказать, когда ты встретишь свою судьбу.

Сердце Чэнь Лина похолодело.

— Тогда давайте попробуем по лицу и по руке, — предложил он.

Чжао Сюньчан отложил ручку и внимательно изучил ладонь ученика. Линия брака была окружена множеством мелких морщинок, но не раздваивалась, что говорило о гладком союзе. Однако сама линия была очень короткой, а её продолжение — нечётким.

По лицу тоже ничего нельзя было сказать.

Чжао Сюньчан не хотел сдаваться. Он встал, достал панцирь черепахи из зелёной бронзы и несколько старинных монет, бросил их в панцирь, на мгновение сосредоточился, а затем, подняв руки, начал трясти. Монеты выпали на стол.

Повторив это шесть раз, Чжао Сюньчан принялся толковать гексаграмму и в итоге вынес тяжёлый вердикт:

— Путь неведом.

Чэнь Лин потерял дар речи.

Ну конечно, неведом. Его будущий партнёр — обитатель подземного мира, возможно, даже из самой преисподней. Каким бы искусным ни был его наставник, он не мог выйти за пределы законов мира живых и предсказать его союз с мертвецом.

***

<http://bllate.org/book/13702/1585473>